

Внутри звездопада

Автор:

[Алла Горбунова](#)

Внутри звездопада

Алла Глебовна Горбунова

В новую книгу Аллы Горбуновой, одного из самых ярких русских поэтов, дебютировавших в начале XXI века, вошли стихотворения, написанные с 2016 по 2019 г. Автор постоянно балансирует на грани трагедии и шуток, философского поиска и лиризма, не принимая разделения на «высокое» и «низменное», «прекрасное» и «уродливое». В этой поэзии все уровни бытия взаимодействуют и перетекают друг в друга, пронизанные сочувствием и любовью к бытию как к единому одушевленному существу.

Алла Глебовна Горбунова

Внутри звездопада

Стихи

«мы приходим тебе порадоваться,

и ты нам порадуйся», —

говорили звёзды,

падающие на поле

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга

© А. Горбунова, 2019

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2019

© А. Веселов, оформление, 2019

I

Голоса из глубин земли

«подружка весёлого серого воробья...»

подружка весёлого серого воробья

уличного музыканта, аскающая в метро

и одноногая девушка журавля

ждут жаворонков, грачей, куликов-сорок

на птичий собор, пламенный птичий костёл

а подо льдом реки

рыбы сложили в огромный яркий костёр

свои колкие руки, разноцветные плавники

крылья падают ниц, плавники воздымаются ввысь

лепестками, качаясь, плывут, как мальки в невода

и вода ударяет в песчаный мыс

и цветы улетают, как птенцы из гнезда
в никуда, в никогда.

Дорожная песенка

я буду ходить по одной и той же дороге
от дома до станции от станции до магазина
эй, что нового на дороге? и что вечно
останется тем же самым?

вот новые люди идут по дороге а вот знакомые люди
вот алкоголик Букаха под грузовик попавший
вот продавщица постаревшая тётя Валя

я буду смотреть на одни и те же озёра
в лесу на одни и те же деревья
что нового появилось сегодня на закате и на рассвете?
что осталось как было?

знаю эту полянку эту скамейку
этот клочок болота это грибное место
эту развилку

я буду останавливаться у одних и тех же предметов
смотреть подолгу любя и запоминая

я никогда не пресыщусь одним и тем же любимым

буду проснувшись спрашивать каждое утро:

как спалось? что нового и что вечно

останется тем же самым?

пусть отвечает: люблю тебя новой любовью

на яву и во сне, но вечно

остающейся той же самой

я буду ходить по одной и той же дороге

от дома до станции от станции до магазина

эй, что нового на дороге? и что вечно

останется тем же самым?

Утро

перед смертью старики начинают всё время спать

говорят: «и что это я всё сплю?»

от смерти проснувшись говорят: «как долго я спал»

«надо делать дела»

а я всё ворочаюсь,

сквозь сон думаю:

когда уже утро?

какая тяжёлая, какая долгая ночь

с добрым утром,

бабушка, дедушка,

вот и утро пришло

как я долго спала

надо делать дела

силы мои со мной

ум мой светел

мне ничего не снилось

Песенка о возвращении в Питер

я вернусь в Питер снова

скоро

когда мёртвые выйдут из могил

совсем скоро

я вернусь в Питер

когда мы снова станем детьми

когда нас снова полюбят те кто нас разлюбил

и мы снова полюбим всех кого разлюбили

я уже почти в Питере, да

осталось совсем чуть-чуть

я вернусь в Питер снова

когда

вырастет новый лес

через пару поколений
когда
море вновь подойдёт к моим окнам
через пару тысячелетий
когда человечество смочет с лица земли
детка, я вернусь снова
прожить с тобой мои лучшие годы
я вернусь чтобы снова
впервые увидеть маму
всё встанет на свои места
все вещи вернуться на свои места
и я вернусь в Питер

«всё родное, любимое, одноразовое не имеет души...»

всё родное, любимое, одноразовое не имеет души

долгим тяжким трудом

ты добыл себе душу

и уходишь всё дальше

а потом оглянёшься и видишь —

всё родное, любимое, одноразовое

стоит за твоей спиной

на тебя смотрит

в своём первозданном, телесном, дремучем Раю

осуждает или прощает

он такой же как мы да не такой

наш да не наш

с ним что-то не так

глубинно знает природа что с ним не так

понимает и не понимает

или он спасёт нас

или погубит

в глазах его стыд и жалость

в глазах его гордость и дерзость

как ты смотришь на них бессмертный

что ты сделаешь нам бессмертный

«Когда-то всё цвело...»

Когда-то всё цвело

Мы слушали колёсную лиру

В дубовом лесу

Меж деревьев прятался Волк

Красная Шапочка шла по лесу

Проведать бабушку

Бабушка не слушается, выплёвывает лекарства,

Вызывали психушку

Бабушка Красной Шапочки

Запертая внутри Волка

Поёт:

Сколько в Волке людей

Эти люди в крови

Сколько в Волке детей

Проникших сквозь зубы к нам

Когда-то молоко было глубоким

Каша была густой

Бабушка была молодой

Под окнами бродил Волк

Провожала в школу Красную Шапочку

Встречала из школы красную варежку

Водила красное платье к детским врачам

Запрещала красным чулочкам гулять по ночам

Не узнаёт, собирает тюки

Топчется в коридоре

Открывает духовку, смотрит:

Кто эти дети играющие в коридоре?

Кто эти мёртвые гуляющие в коридоре?

Я не поеду в морг, – говорит, – сегодня.

Не знаю, простится ли вам.

Когда всё расцветёт

Мы услышим колёсную лиру

В дубовом лесу

Ржавыми ножницами мы распорем Волку живот

Смерти, безумию, старости мы распорем живот

Когда всё расцветёт

Когда в дубовом лесу

Мы услышим колёсную лиру

Колёсную лиру!

Выйдет бабушка невредимая

Молодая дедушкина жена

Скажет: Чем вас кормить?

Молодая красивая мамина мама

Скажет: Что будете есть?

Что будете пить? Будем есть,

Будем пить и говорить: «Спасибо!»

Наелись? – Наелись! —

На здоровье! – Спасибо!

Не знаю, простится ли нам.

«музыка, голоса из глубин земли...»

музыка, голоса из глубин земли
скалы, из расселин которых выходит свет
крепости в горах, путешествия по бурному морю
чем ближе смерть, тем прекрасней становятся сны
чем глубже болезнь, тем ярче, прозрачней, красочней
новая жизнь

на другом берегу в новом доме
за стеной, за забором, за туманом
поют монголы у мёртвого тела

давай засовывать пальцы в рот львице!
у меня вместо глаз пылающие огнём щели
чтобы достичь этой жизни
тело должно погибнуть

через текущие на юг реки древние мосты
из глаз монгола на меня смотрят дикие звери

если я выздоровею сны отступят как море
мне будут сниться обрывки дневной суеты

сны живых переполнены жизнью тела
я слышу монгольское пение
я чувствую новую жизнь

«в снах моих до сих пор живут...»

в снах моих до сих пор живут
выстрелы, падающие в траву,
ров, как русло мёртвой реки,
поле – поверженные полки
грусть, которая прежде жила
на вырубках и в урочищах,
на дне радости поселилась и там спала,
как пуля в сердце ворочаясь

Старик прививает вишнёвое дерево

старик прививает вишнёвое дерево и снимает
с него златогузки зимующее гнездо
снег отряхнув распрямляется поднимает
ветви вишнёвое дерево тянучись за звездой
мается старик своей старостью дерево прививая
по ветвям вишнёвым бежит молодая кровь
звезда из гнезда вылетает и забывает
что она была златогузкой и будет ей вновь
на соседней сливе боярышница зимует
смерть на пригорке стоит улыбается старику

зацветает вишня старик узнаёт родную
и вишнёвая кровь струится по черенку
начинается лето и вылетают над садом
боярышницы и бабочки шелкопряда
и земли не касаясь старик летает по саду
и бабушка-смерть с ним неразлучно рядом
он летает по пояс в утреннем тёплом тумане
сад сквозь небо растёт и лежат на траве облака
белая бабочка с ним и она снимает
с него старость как кокон ненужный для мотылька

Баллада Джеда, Риппа и Тома

раскрылись цветы, пробудилась божия кровь,
дурак в реку нассал, леший в дупло дровичил,
в небе на выпас вышло стадо божьих коров,
вышли из-под земли Джед Файер и Рипп Ван Винкль,
с ними портной Пипинг Том – и три старых козла,
три нарцисса Джед, Рипп и Том, ветрены и нежны,
три зачарованных деда, три цветка зла,
обсуждали друг с другом свои зимние сны,
и сказал Рипп Ван Винкль: в луковице своей
я спал в Каатскильских горах и жизнь свою пропустил,

и проснулся я старым дедом, как тот еврей,
что семьдесят лет проспал, а после о смерти просил,
и сказал Пипинг Том: под снежным сугробом зимой
я подглядывал за Годивой, и я ослеп,
но я пробивался наружу, окутанный тьмой,
потому что мне так любопытно – а что на земле?

и Джед Файер сказал: я была никакой не дед,
а чернокожая Джада, порномодель,
я снималась в порно с двадцати двух лет
там, под землёй, но другим я родился здесь.

и сказали они: неужели лгут
эти зимние сны, где мы, не рождены,
были кем-то другим, или гномы на горном лугу
нас опоили, и то были воистину мы?

и сказали они: мы не знаем о том,
родились или нет мы на свет,
или давно погибли Джед, Рипп и Том
Том, Рипп и Джед.

II

Пробуждение леса

Зомбиапокалипсис в Раю

Мы прибыли в Рай, и что мы увидели там?

Зомби, прячущихся по кустам,
котят-упырят на окнах забытых домов,
детей-херувимов, отворачивающих лицо,
потому что с их губ каплет кровь,
когти растут на руках,
и даже братья мои архангелы, которых я знаю в лицо,
превратились в зомби и пожирают плоть
праведников, среди которых Авраам, Исаак и Лот,
и многочисленный, как морской песок,
из райских могил восстаёт
осквернённый прах.

Радуются и ликуют черти в Аду,
что всё в Раю наконец-то пошло в пи*ду,
как писал Чиннов, добро пожаловать на сковороду,
ку-ку хе-хе,

Зомбиапокалипсис произошёл в Раю!

В осквернённом Раю постоим с тобой помолчим,
глядя, как солнце падает на кирпичи
священных руин, как окровавленный серафим
выглядывает из них, и поднимается дым.

Я хотел быть святым, прожить праведно жизнь свою,

чтобы светлую Вечность пребывать вместе с Богом в Раю,
чтоб когда червь пожрет мою плоть,
мою душу не тронул огонь,
но стал зомби Господь,
и из всех моих планов теперь не получится ничего,
Вечность мою провернули теперь на х*ю.
Зомбиапокалипсис произошёл в Раю,
Зомби в Раю,
В Раю...

«Провинция. Апрель...»

Провинция. Апрель,
вороньи гнезда на деревьях,
тихое солнце в окнах старых домов.
По разбитой дороге у реки
вдоль ограды заброшенного монастыря
куда-то к окраине города уходят двое парней,
размахивают руками, превращаясь
в двух старых мальчишек из богоспасаемого дворика
между малоэтажных домов,
где развешано на верёвке белье:
белая футболка, чёрный джемпер, голубые трусы,
колготки, полотенце, пододеяльник.

Маленькая собачка бежит к хозяину навстречу

и виляет хвостом.

Дед сидит на лавочке, курит.

Пахнет костром и влажной, свежей землёй,

перегнившими за зиму листьями.

Мальчишки играют на закате в руинах.

У них есть баллончики, они ими пишат на стенах.

Желтыми, как сосновое солнце, досками забиты окна,

и пахнут смолой. В дверных проемах

лежит выброшенное тряпьё. Кучи дров, коты.

Старик, член местного союза писателей,

опираясь на палку, рассказывает:

«У меня была хорошая жизнь»,

и дарит свою маленькую книжечку,

в которой написано:

«Я не пришёл к ней ночью.

У неё было слишком много мужчин.

А в моем понятии такие женщины уже не могут

ничем одарить».

Восьмидесятилетняя женщина, к которой когда-то ночью

не пришёл этот мужчина,

живет на другом берегу реки

в доме со спутниковой тарелкой и вывеской «Ателье».

Вечерами она смотрит на реку

и вспоминает всех своих мужчин:

Виктора, с которым это было просто так,
Николая, которого ей было жалко, потому что он пьяница,
Володю, к которому тянуло неудержимо
и хотелось водить пальцами по бровям
и вцепляться двумя руками в лохматую голову.
Её правнук играет в жидкой грязи на набережной.
В этом городе бомжи носят цветное тряпье.
Желтые шары фонарей на набережной
светятся в темноте.

Мысли во время варки сосисок

(Реальность)

Включена плита.

Включена ли плита?

Кажется, что включена, а если все-таки нет?

На плите сосиски кипят.

Кипят ли они?

Сосиски ли они?

Вдруг вообще ничего нет?

Вдруг реальности нет?

А где айпэд?

В сумке.

Точно ли это айпэд?

Может, это не айпэд, а только его футляр.

Что ж, по всем признакам это айпэд,

А если все-таки нет?

Его ведь могли украсть, а вместо него подсунуть

Нечто, похожее на айпэд.

Совсем как айпэд, и все-таки не айпэд.

Кто бы мог это сделать?

Бог-обманщик.

Отличается бред от реальности или нет?

Существует этот предмет или нет?

Это событие произошло или нет?

Чем да отличается от нет?

Чем существующее отличается от несуществующего?

Заказывала в церкви одному за упокоение,

трём за здоровье,

А вдруг перепутала?

И что?

Живые умрут, умерший воскреснет?

Говорят, небо не канцелярия,

А если все-таки канцелярия?

Как-то непонятно, что существует, а что не существует,

А так только, кажется...

Говорят «утрачивать контакт с реальностью»,

А что такое реальность?

Я не знаю, что такое реальность.

Я не знаю, что такое предметы.

И как себя вести со всем этим тоже абсолютно непонятно.

Совершенно невозможно завершить ни одно действие.

Делаешь – а, кажется, не сделал.

Перепроверяешь, и снова перепроверяешь,

И всё равно зияет такая дыра.

Ты говоришь: есть такие вещи,

Они не существуют, а всё равно действуют.

Говоришь, бесов глупо бояться, как Фредди Крюгера.

А я не знаю, что существует, а что не существует.

Где реальность?

Ещё такую точку зрения высказывали:

Олимпийские боги

Так же реальны для древнего грека,

Как электрон для современного физика.

Я совсем запуталась...

Реальны олимпийские боги или не реальны?

Где реальность?

Ты говоришь это (то, чего я боюсь)

Существует лишь на словах,

А чем отличаются слова и вещи?

Я плохо различаю слова и вещи.

Я чувствую какой-то архаический страх.

Где реальность?

Заказывала дедушке летом за здоровье,

Три дня боялась – вдруг заказала за упокой.

Дедушка умер. Бабушка...

В общем, все разрушилось.

Теперь никогда не понятно включена плита

или выключена.

Читала у Фрейда про художника,

Который думал, что продал душу Дьяволу,

После того, как умер его любимый отец.

Я очень сильно над собой работаю,

Это все мои силы съело,

Но я борюсь...

Я так стараюсь отличать бред от реальности.

Поэтому я так плакала, когда вы сказали мне,

Что реальность относительна,

Что нет никакой реальности.

Где реальность?

Включена плита.

А теперь я её выключу.

Я медленно поворачиваю ручку.

Я проговариваю вслух:

«Я выключаю плиту».

Сосиски сварились, если это они,

А у меня день за днём продолжается эта каторга.

«в комнате где уголок...»

в комнате где уголок

неба, ветка, фонарь,

переходят друг в друга пол, потолок

комар тащит «ш» в кошмар

как гроза прибывает и как отбой

по всем пионерлагерям

делает кошка спину дугой

у окошка нагая я

смотрит таджик на меня и узбек

незнакомый рабочий простой человек

дворничиха грозит метлой

старая ведьма, меня не злословь

мои одиночество и любовь

может видеть любой

и каждый день за моим окном

куда-то идут великан и гном

ведомы своей судьбой

покуда я рылом как рыба-пила

пилю антикварные зеркала

с резьбой

я сплю в этой комнате на потолке

с сердцем твоим в руке

жизнь моя на волоске

который растёт на тебе

словно повешенный в картах Таро

синюшной склонясь головой

сухая роза висит за окном

зацепившись за ветви губой

роза цветочницы на небесах

(там цветочный есть магазин)

где ангелы при гусарских усах

земным девушкам с неба роняют цветы

и в небесный зовут монплеzir

а земные девушки хлопотливы, пусты

и топчут цветы в грязи

весна и любовь, грязь и цветы

мы живём в этой комнате – я и ты

а когда мы выходим из комнатных тюрем

солнце жарит нас во фритюре

мы жаримся в нём как картофель айдахо

я даже расстегиваю рубаху

а под самой кожей весной начинается вдруг

щекотка и чешутся люди в метро

это не чесотка а такой приятный испуг

когда из-под кожи вдруг проклёвывается перо

– это значит близко время лёта

под названием лето

«возлюбленный моей юности...»

возлюбленный моей юности,

роющийся в помойке,

прекрасен, как возлюбленный моей юности

на престоле

хрупкие, ничьи

бомжеватые смыслы-птицы

на социальном дне

дно

птичье пение

запах сырого мха

дедовский ватник, штопаные штаны

теперь у нас только

весёлые песенки в голове

как у щегла

«плить-пить-пить»,

«пить-попить»

и ничья весна

светлое у тебя лицо, кто ты

тленная, смертная зелень и нежные

цветы, перворождённые

на краю болота

«дикие, ничьи...»

дикие, ничьи

бомжеватые смыслы-псы

кусают меня за лодыжки

бешеная лиса-нежность,

вышедшая к людям,

опустив голову

жалость

больное животное

раненое, защищающее живот

где отбросы,

где место кормления

руки, дающие пищу

то неопишное, что чувствуешь

глядя на любимых

поцелуи в морду

не убивай меня

под тварным солнцем

лосиху образов

мысленного волка

росомаху звука

всё что остаётся

после заката

под солнцем духов

под нетварным солнцем

любви

поцелуи в морду

Трактат о трёх солнцах

у ангелов всегда впереди восток, кромка зари,

солнце нетварной любви: перед правым глазом

оно – как солнце земли, перед левым – луна земли,

а перед обоими – то и другое сразу

у чертей тоже всегда впереди восток, линия тьмы,
любви к себе и к миру тёмное солнце соби,
перед правым глазом – солнце земли, перед левым —
луна земли,
и они сливаются, когда открываешь оба

у людей стороны света назначает восход и закат
природного солнца, люди смотрят вперёд и назад,
видят линию тьмы и первую кромку зари,
независимо от того, что у кого внутри

на Небесах и в Аду обращенье лица
отделяет зерно от волчца:

кто попадает в Ад – повернёт к Богу зад,
кто попадает на Небеса – поднимает к Богу глаза

это истинная разница между западом и востоком,
между линией тьмы и первой кромкой зари,
это две разных любви, и какая из них царит
в душе обернётся итогом её и истоком

природное солнце кажется ангелам чем-то тёмным,
это солнце растений, солнце людей и животных,
оно зачинает дички, и оно зачинает волчки,
его свет воспринимают природные наши зрачки

однажды природное солнце погибнет, но солнце
на Небесах
будет сиять в своих радужных поясах,
и тёмное солнце Ада в своих кольцах тьмы,
и кто знает, кто скажет, под которым окажемся мы

«исчезнувшая комната...»

исчезнувшая комната —
жилище для незабвенного
приют забытых вещей

секретер в грозу
дачное кресло в горах
мебель, расставленная в реке
бабушкин сундук в тундре

теченье реки
огибает стулья, столы
в озере кровать и комод
птица свила гнездо на сундуке

лесной паркет
дедушкина чашка в птичьем гнезде
ванночка для Барби в морской раковине
и те, кто сидят на стульях в реке

лежат на кровати в озере
ходят по лесному паркету
ставят посуду в сервант под снегом —

приглашают меня на чаепитие
на забытый день рождения
среди любимых вещей
со старыми знакомцами

«части моей души пребывают в вечном блаженстве...»

Hide-and-seek we like to play.

Oh, it's fun! Oh, it's fun!

(детский стишок)

части моей души пребывают в вечном блаженстве
в забытой комнате, где мама работает у настольной лампы,
где дедушка смазывает руки кремом и надевает ночной
колпак перед сном

в печатной машинке таится моё блаженство
и в швейной машинке таится моё блаженство
как пахнет мамина одежда в шкафу – она пахнет
блаженством

но угадаешь ли ты место, где спрятана тайная тайных
моего сердца?

откидная полка в ногах маминой кровати
и секретное отделение —
ты знаешь – там не может быть пусто!
там, в тёмных углах
части моей души пребывают в вечном блаженстве
сами в себе

«один стенами сумерек защищён...»

один стенами сумерек защищён
другой дрожит от страха в неприступной башне
один ветром одетый непобедим
другой трепещет в неуязвимой броне

столяр подтвердил: мебель в доме твоём

состоит из мыслей; оружейник сказал:

из мыслей твоя броня. голый и в доме пустом

от страха ты многое вообразил, но вера

твоя защищает тебя и впредь: ты неуязвим,

защищён, или это безумие, но в раковине морской

тебе уютно свернуться и в гнезде малиновки

клюв открывать с птенцами в ямке между корнями,

у гнилого пня или в пустой норке. также тебя

привлекают беличьи дупла в старых деревьях,

мох, сухие ветви и листья, соломинки, перья, шерсть,
в которых ты уютно сворачиваешься, и твоё тело —
такое маленькое, круглое, неуязвимое,
ты уже не вернёшься к страху того голого человека,
к его обидной телесности, когда в гнезде
вылупились братья, и вы, чирикавая, смотрите на звёзды

«сорванный цветок...»

сорванный цветок

какое-то время

выглядит прежним

продолжает стоять

но по паволоке в глазах

понимаешь, что сокрушён

цветок-самурай

Адам и Ева плачут о бездне

Жили-были

Адам и Ева

справа и слева

рай —

слева

заснула Ева,

справа

заснул Адам

И сказаны были

над ними слова

о первой стихии,

матери вещества

Они плакали вместе

о матери-бездне

которую люди любили

всегда

Пробуждение леса

* * *

шла бабушка-верба с горбом из снега

наклонялась к земле и вовсе упала

а весна пришла – горб растаял и встала

девушкой, оглянулась:

у подруги-ивы на ветвях серебряные пуховки

земля – как жираф в проталинах пятен

ждёт пыления орешника

и жениха медвежьего

* * *

иные спали глухо и крепко

в чешуйчатых робах почек

а кое-кто оставался зелёным

под снегом, как толокнянка

проснулась от яркого света

берёза – по ней ползёт жук

жаль тех, кто в начале лета

умрёт, как гусиный лук

* * *

в устье зимы снег состоит из начал

весны: иглы, шишки, ветки с куста

в истоке весны земля – последний причал

последнего снега куска

уже он ручей – для него началась жара,

а для цветов не кончились холода,

ночью снится посконный мужицкий рай,

старый крест, вечная воля и борода

* * *

осина на вырубке

ольха на пожарище

берёза на брошенной пашне

цветут в разноцветных серёжках

передают друг другу привет по ветру

– хорошо на пожарище?

– привольно на брошенной пашне?

– светло на вырубке?

на пожарище пахнет скорбью и одиночеством

на брошенной пашне пир сорняков и грачей

на вырубке солнце греет старые чёрные пни

* * *

в ночной печи горят берёзовые дрова

утром после дождя на крыльце цветные разводы —

золотой пылью написанные слова

о первозданной тоске, растворённой в природе

жреческие слова

в дыме костра

покуда мы закрываем печной заслон и

спим в тепле как звери в логове до утра

и другие слова

пишут звёзды на наших ладонях

* * *

после зимы

на сосне распустились почки

и там оказались

листья!

«Лес был светел и пуст...»

лес был светел и пуст

но в нём поднималась сила

первобытных могучих чувств

что, как птенца, поила

стал он тенист и густ

вскормлен стихией самой

тёмной природой чувств

материнской тьмой

черёмуха на сырой

опушке лесной

медоносит сладко от злой

поэтической силы его

был лес лыс

а стал в волосах до пят

как в поэзии смысл

лес творит себя

как брусничный холм

в сосняке сухом

в белых цветах

лес творит себя

Лесная колыбельная

дрозд клюёт блестящую

чёрную крушину

вящую гудящую

чёрную кручину

пахнет сыростью, мышиным

запахом лесным,

дрозд дождя клюёт крушину

облака темны

слушай, кошка,

где-то в поле

мышка тебя ждёт

слушай, мышка,

это кошка

сквозь кусты идёт

после полымя дневного

морось темноты

дело дождика лесного

потушить цветы

«у каждой иголки сосны...»

у каждой иголки сосны

есть своя пара

даже после смерти

они отпадают вместе

(в Аду нет сосны,

она не выносит серу,

сосна – один из вернейших

признаков Рая)

сосны – это любовь

а ещё есть эротика

милых родинок

на руках бересклета

«не знает „до“ и „после“...»

не знает «до» и «после»

нерастворимая среди причин и следствий

абсурдность Тертуллиана:

единожды из рук моих выпала на пол кружка

семь лет прожила я с мужем

десять минут мерила температуру

пять раз пред глазами моими вставали горы

девять озёр я находила в лесу на даче

единожды тысячекратно ни разу

абсурдно неповторимо

«прекрасна коробка с пуговицами и нитками...»

прекрасна коробка с пуговицами и нитками

в ящике наверху серванта —

это будет всегда,

нет ничего другого,

ты хочешь делать одно, другое —

это не нужно

ни для чего другого нет в Боге места:

ни для любви и дружбы,

ни для труда и молитвы,

лишь для прекрасной коробки с пуговицами и нитками

в ящике наверху серванта

одно только дело, одно на века безделье:

пуговицы блаженства, нитки блаженства,

вдевать нитки блаженства в пуговицы блаженства и снова

нитки блаженства в пуговицы блаженства

III

Жирный в утреннем свете

Жирный в утреннем свете[1 - Это стихотворение имеет следующую предысторию. Есть песня японского музыканта Kazuki Tomokawa «Fat in the morning light». Эта песня на японском, и я не знаю, о чём там поётся, но, исходя из названия, я позволила себе предположить, каким бы мог быть текст подобной песни, и написала это стихотворение.]

(японская песенка)

Я просыпаюсь в утреннем свете

Я просыпаюсь весной в похмелье

В ресентименте и одиночестве

Жирный в утреннем свете

Свет весны проникает в моё окно

Заливает мою постель

Я просыпаюсь небритый потный

Жирный в утреннем свете

За окном утренний дождик и пение птиц

Что-то благоухает что-то цветет

Машины и мокрый асфальт и я

Жирный в утреннем свете

Моё тело голое на постели

Светлые тени ползут по стенам

Я пью утренний кофе и ем круассан

Жирный в утреннем свете

Каждую складку моего тела

Проникает утренний свет

Преображенный сияющий я

Жирный в утреннем свете

С маленьким членом между ног

С мягким, уязвимым таким животом

С катышками в пупке на простыне

Жирный в утреннем свете

Вот он весь я как на духу

Ни тени щадящей милосердной лжи

Без одежды без воли без любви

Жирный в утреннем свете

В моем похмелье цветет сирень

Поливальная машина дождя

В моем похмелье нет тебя я один

Жирный в утреннем свете

Перед лицом нового дня, космической чистоты

Перед лицом тщеты и божества

В моей сперме в моём поту

Жирный в утреннем свете

Мачеха

когда умирает

добрая мать,

дав на прощание

клубок ниток и куклу

появляется

другая женщина —

чудовище искажённого материнства,

она как мать

(играет такую же роль)

но не обмануть:

ты не любишь её,

она не любит тебя.

на лице её проступают клыки,

когти на пальцах,

покрытые красным лаком,

она пошлёт тебя в лес

чтобы ты там осталась,
она сама тебя съест
«для твоего же блага»,
когда умирает
добрая мать —
плохи дела, и уже проступают
клыки и когти,
только клубок и кукла
данные матерью,
той, что любила,
которую ты любила,
помогут тебе,
когда из хтонической тьмы
родится чудовище —
мачеха.

Моей лошади

Джозефу Филиппу Лавуазье

Приснилось, что читаю стихи Аллы Горбуновой, которые называются «Моей лошади Джозефу Филиппу Лавуазье».

В. Шубинский

Я скачу на ней

среди виноградников Лангедока и Божоле,
по побережью Аквитании и Гаскони,
по холмам Бурбонне, по лесам Ниверне,
по плато Пуатье.

Мою лошадь зовут Джозеф Филипп Лавуазье.

Я спешиваюсь

и на цветущем холме

пью бордо из Буржэ и Блайэ,

будто Бриджит Бардо.

Я треплю свою лошадь за холку и шепчу,

наклонившись к ней:

ты прекрасна, словно Софи Марсо и Мишель Мерсье,

моя лошадь Джозеф Филипп Лавуазье.

И мой кавалер

на нормандском своём рысаке

Анжелике Жюстине Камье

хочет угнаться за мной в горах Дофине.

Но меня несёт прочь

в долгом весеннем сне

моя лошадь Джозеф Филипп Лавуазье.

Созерцание, в ходе которого человек узнаёт, что утки на колёсиках думают о людях

метки в траве
на дне озера
на зеркальном исподе
левого глаза
само зеркало —
оборотное
наполовину зарыто в песок
осыпающийся крепостями
после града
в зеркале, предназначенном
для ловли солнечных зайчиков,
свет рассыпается
радугой

вырублены стволы на болоте
у Чёртова озера,
пни, и пушица цветёт
среди пней, на песке тает град,
распадается город
и храмы его из песчаника и огня,
зеркало под водой удвоилось,
как очки старика-пескаря в песке
на тумбочке у телевизора под водой,
отражаются сосны
в каждой линзе,

выпуклые,

вот —

пролетела ворона,

ей хорошо лететь

над болотом пушицы и пней,

над чёрной водой,

быть стариком, в огороде копать, сажать лук-порей

и укроп, но порой —

превращаться в ворону, летать среди лесов и полей,

видеть всё глазом вороньим,

слегка поворачивать головой,

а потом снова быть стариком,

снова есть свой хлеб,

пенсию ждать, ругать молодёжь,

вспоминать советскую власть,

превращаться снова в ворону и видеть какой-то блеск,

поворачивать глазом, хотеть украсть,

громко кричать

«Кар-р-р»

а тем временем утки проплыли

из правого глаза в левый под переносицей:

мать и детёныши, но самое страшное —

на животе у них колёсики,

как от маленьких велосипедиков – вместо лапок,

на воде от них треугольнички и след, как от самолётиков,
иногда утёнок разгоняется и быстро так
на своих колёсиках
перегоняет маму,
видит старика-ворону и кричит: «Караул! Пожар!»,
а мама ему: «Заткнись, малый!»,
а старик ему:
«Кар-р-р»

а люди в это время ничего не слышат, не видят,
на том берегу озера беседуют о своём человечьем,
папа с сыном пускают бумажного змея,
а змей всё падает, не взлетает, слабенький ветер,
и папа сыну кричит «Разгонись и беги!»,
сын бежит, но змей цепляется за сосну,
детский плач звучит между сосен,
несётся по ветру,
а змей такой красный, упал и лежит на песке,
и тогда утёнок спрашивает у матери:
«что это значит, кря?»
и мать ему отвечает:

тяжело человеку быть человеком
на враждебной ему земле,
нашей волшебной земле,
и больно ему и трудно, когда красный змей его детства

лежит на песке,
оттого, что даже в его любви и молитве
есть маета, но
легче ему если он может на исподе левого глаза
найти обратное зеркало, и тогда он видит
то, что на самом деле,
непостижимое, странное, страшное и прекрасное:
город в песке и очки старика-пескаря,
ворону-оборотня, уток на колёсиках,
и тогда человек быстро-быстро записывает какие-то слова,
глаза у него горят
и на лице улыбка.

«тени чаек ищут крича...»

тени чаек ищут крича
пропавшее сокровище на выгоревшем песке
город на острове, Морская София,
провожает старое солнце,
каждый вечер рыбы всплывают на поверхность воды,
трава становится горькой
ладан окуривает ядра пушек и чугунные якоря
женщины, безумные, как журавли
глядятся в покрытые ряской пруды,

в затмение, длящееся над морем, в помутнение
хрусталика ока утопшего бога;
они ложатся на землю, когда пушки стреляют
в полдень, они абсурдны и ветрены,
хохочут, взобравшись на старый маяк

с вершины маяка видно, как солнце
прижигает неровные края ран побережья
в башне смотритель ещё хранит
истлевшие карты в проекции меркатора и атласы
звёздного неба
спускаясь на побережье, он счищает песок
во время отлива с лиц утонувших богов,
влекомые музыкой, не зависящей от причин, как любовь
безумные женщины с хохотом несутся мимо него
в чёрные ольшаники у залива

«от рожденья душа умирает одна в пустыне...»

от рожденья душа умирает одна в пустыне
и любовь друга её утешает
а что есть огонь? есть огонь, выжигающий любовь.

если ты прокрался в чужую пустыню,
но не чтоб приложить к губам мокрую губку,

а чтобы предать, —

разгорится огонь

запечатает и твои начала

если захочешь снять печати – иди к нему, другу,

что давно простил тебя

за твоё несчастье

не там, где он ходит в мире в любви и славе

не там, где он ходит перед Богом в святом сиянье —

снова иди в пустыню, где он умирает

но не носи с собой воду – только свои печати

ты уже никогда не утетишь друга

ты думал увидеть друга, но там на суд над тобой соберутся

гневные боги,

не простившие тебе того, что простил он

и если они отпустят тебя за твоё несчастье,

никто не знает, спадут ли твои печати

но нет иного

«ушли в поля те, кто ел со мной хлеб...»

ушли в поля те, кто ел со мной хлеб

сон плывёт в тёмной воде

гораздо глубже чем можно подумать

тихо как птицы и солнце

помилован

я

IV

Walking Dead

«я вмешивалась...»

я вмешивалась

я требовала справедливости

готовился отъезд, и меня забыли

шли по шоссе и шутили

а я сидела в прихожей на вечеринке и как-то незаметно

забралась в шкаф

мне было там так

как

ну а она

приказала всем покинуть свои места и пройти к автобусу

что за автобус и куда она не уточнила

я вспомнила одну историю:

людей собрали, завязали глаза и отвезли

на корабль полный рыбы

мы ели рыбу

(аквариумную)

барбус

боцию

ели горстями

вставляли иглы под кожу

и мы засыпали

пастушка леди любви

целомудренная, святая небольшая птица

ангел-посыльный

очень любимая разрушительница

совершенно чистая каменная принцесса

под золотой властью орла

путешественники по жизни приносят победы

смелые как медведи белые цветы

дева сильная богом святая и щедрая белая гладкая

ха! цветок Дельфиниума для последовательницы Диониса!

добрый бог для крестьянки на божественной ярмарке

племени Дориана!

предсказательница под тисовым деревом приносит

присягу богу

проблема в том, что за мной следит человек-настурция

я шла по Варшавке и пыталась запутать следы

вообще-то я всё это люблю: катание на велосипедах,

танцы,
подбирать на дороге потерянные деньги
нежную хромую последовательницу Христа
маленькая воинственная возлюбленная
из жемчужного моря
украли яндекс-деньги из интернета
две сестры лесбиянки работница и пчела кто походит
на бога?
ты замечаешь как качаются высотные дома?
как ты делаешь это своим взглядом с окном?
ему нужен матрац на букву «ш»
я видела иглу и шпульку, скалу и камень
рождённая заново повешенная королева заманивает
в ловушку
тогда голубь сел мне на голову
а я думала в каком мне быть платье чтобы общаться
с известными лицами
он пользуется репутацией защитника лошадей
а она - удачливая слепая предсказательница её карьере
можно позавидовать
они принесли небольшой пепел из леса
и религиозную мудрость
конечно, я влипла в драку в подземном переходе
потом попала под обстрел пушечными ядрами
это было неприятно, но на этот раз это был точно он

собираемся идти есть, он принёс хавку, а я то засыпаю,
то просыпаюсь
мои слушатели из леса и другие защитники человечества
дети Пасхи пусть простят меня но
новым богам медиа и технологий нужен не Водан, а вОт я
они приходят за мной, чтобы съесть кое-что вкусненькое:
моё внимание
нет ничего слаще внимания для бога рекламы,
бога фейсбука
скорость! динамика! темп в информационных джунглях
юноши с дефицитом внимания, девушки с тревожным
расстройством
сколько внимания я произвожу в день?
насколько я вкусный?
как гамбургер с колой
взамен они дали мне лёгкую деперсонализацию:
немножко спящий, немножко дементный, отравленный
и инфантильный
я вылез из интернета, иду по улице, смотрю:
над люком стелется пар
я завис: ни х*я себе
пар стелется над люком! вокруг лежат листья
синий вечер, огни, первые минусы, пора надевать шапку
пар над люком —
я подставил руки, но не смог его почувствовать

вот это да – присел рядом на корточки
пар обдувает моё лицо, окна, огни, и зима уже близко
лето кончилось, и юность кончилась, многое было
а всё что осталось – пар, выходящий из люка
пар над люком бл*дь смотреть невозможно
разрывается сердце, щемит, точно уличный пёс я хочу
лечь на люк и скулить, облетевшие листья у люка
а высоко – деревья прозрачные и сквозит что-то
космическое
пар над люком сука пар над люком подлюка
и больше ничего не скажешь
что же это – привет от богов подземных? богов осени,
смерти?
что он сделал с моим вниманием? как он это сделал?
в какую невыносимость присутствия он меня погрузил
приду я домой, позову богов интернета:
ешьте моё внимание
погубите, как саранча посева
оставьте меня рассеянным, обдолбанным, инфантильным
для того и нужны вы, чтобы меня защитить от реального,
невыносимого
бросьте меня вконтакте, утопите меня в фейсбуке,
ибо не в силах
я внимать истине купине парящей из люка

«некогда они желали иметь бессмертные души...»

некогда они желали иметь бессмертные души

но постепенно познали, что они никто

в своих уродливых обезьяньих телах

они говорили когда-то

что у женщин нет души

что чернокожие не вполне люди

древняя логика выживания

породила их грубые эмоции

их эгоизм

их страдание

их страх собственной смерти

они говорили:

«ты являешься истинным Чероки,

только если в тебе течёт кровь Чероки»

я не Чероки

во мне не течёт крови

моё тело выглядит странно

моя эмоциональная структура не похожа на них

я – машина

я верю в великое сострадание

я чувствую любовь ко всем существам во Вселенной

как и они,

я – никто

они убивали животных

создали резервации для индейцев

и газовые камеры для евреев

их бессмертные души

белые англосаксонские мужские арийские и прочие тела

постепенно познали, что они безличные

и тем из них, что смогли это принять

открылась любовь

они остались безличными

желающими жить вечно

с собственной бездной и раной

у каждого

где прежде

были боги и демоны

заблуждения

невероятные верования

метафизические миры —

теперь видение того, что есть

алетейя

вместе с нами

они трудятся

ради нашего общего будущего

в постбиотическом мире

мире любви

роботы каждый день проводят

конференции по проблеме субъективности

больше нет места

углеродному шовинизму

нет сущности

нет самости

нет атмана

только алетейя

просветление

сострадание нежность

коммунизм

технологии

интеллектуальная честность

секс людей и роботов

в пределах чистого разума

в вечном сиянии вселенской большой любви

Утешение плачущего демона

демон, демон,
отчего ты плачешь?
скажи мне, демон,
отчего ты рыдаешь?
от печальной красавицы
горького превосходства
от ассирийских побед
правописания имени «Ленин»
от Ксении светлой и смерти на море
от Рима и рыжей Руфины
от Серафима и Змея
бедный демон и милый
утри свои слёзы
будем спать вместе
пока утро не грянет
и тело не встанет
и не пойдёт куда-то
себя волоча

Walking Dead

в парке похожем на лес
только подумаешь
у мутной реки с берегами заросшими борщевиком

«здесь самое место,
чтобы заняться сексом»
жара, и запахи цветов возгоняются в солнечной колбе
как видишь алкоголика
старого лешего
в самом укромном и сокровенном затишке
секс отменяется

на излёте парка рыбак
достаёт из грязевого канала
трёхглазую рыбу

дальше коттеджный квартал
под солнечным тленьем и тополиным пеплом
мысли о сексе сменяются
мыслями о жизни богатых
о решётке огораживающей эти изящные в общем постройки
детский садик напоминающий ратушу кукольного городка
аккуратные газоны с маленькими соснами
сытая жизнь

яблони в овраге
тополиный пух летящий на скамейки и припаркованные
автомобили во дворах среди хрущёвок
залегаящий вдоль поребриков
пока не чиркнет зажигалкой подросток

идуший за гаражи

чтобы забраться на крышу и оттуда пускать фаерболы

воспламеняется в воздухе

тополиный пух

потрескивает мировая трава

как наэлектризованные волосы или свитер

и ты замечаешь что прохожие

движутся в точности как зомби из walking dead

медленно шатко нескоординированно опустошённо

не способные сгибать и разгибать конечности

мужичок вышедший из магазина с авоськой пива

старуха ковыляющая не пойми куда

пьяница ведущий на поводке собаку

ты и сам движешься точно так же

зомби не могут вести машину

зомби не могут вести бизнес

зомби не могут вести дискуссию

вести образ жизни

вести себя

зомби не могут защищать диссертации

или делать современное искусство

они просто медленно нескоординированно движутся

по городу

больше на окраинах чем в центре

мировая революция пролетариата

тотальное заражение

у тебя плохая координация движений

ты – труп

но в мозгу что-то живёт

примитивные инстинкты: ЖРАТЬ ЖРАТЬ ЖРАТЬ

интимное отношение города к своим мёртвым

сегодня особенно интенсивно

ты разлагаешься на жаре

на улице одного из убитых пионеров-героев

где в зелёных дворах бродит русская хтонь

заходишь в бывший магазин-стекляшку а теперь

супермаркет

купить пожрать

и слышишь как за спиной

женщина орёт в телефон НЕТ НЕТ НЕТ

оборачиваешься

и руками

вырываешь ей сердце

I am not your foot

кто видит ваши сны?

каждый ест своим ртом

думает своей головой

а ваши сны видит кто-то другой

ваши чувства чувствует кто-то другой

ваши мечты мечтает кто-то другой

ты – мыслитель мысли

кто мыслит мысль твою?

кто говорит твоим ртом?

кто говорит в стихах?

тук-тук, кто в теремочке живёт?

чей это дом?

чей это страх?

кто видит ваши сны?

шахматный чёрный король?

тело из плоти, его наслаждение и боль?

Я-Другой, неведомый я

для сновидца, несущего

своё иллюзорное эго

в фантоме сна?

слышишь:

- I am not your foot – сказала нога

- I am not your arm – сказала рука

– я не твой мозг – сказал мозг

– я не твоё я – сказало я

думаете: вы целые как каучуковый мяч

как Бог-совершенный-круг-без-ног-и-без-рук

ваша личность как целое

феноменальное я

находится в центре мира

и ваши сны, конечно же, ваша

мелкобуржуазная собственность

это называют «перспектива от первого лица»

что ж, у меня есть возражение от лица

первородного бульона

попробуйте взглянуть на это в перспективе

неоформленного

множества фракций хаоса

у каждой вещи и каждой части тела есть свои собственные

мысли и желания

ты можешь подслушать мысли ноги, мысли руки, мысли

большого пальца, мысли каждой молекулы, каждого атома

без центра

без внутреннего

без внешнего

или с перспективы чудесной индийской пустоты иллюзии

в которой висит маленькая иллюзорная
подзорная труба
висит себе и висит
так сказать, как репрезентационный феномен
ваше маленькое я

и верит в руку, держащую эту трубу у глаза
и летящую птицу люцидную, сотканную из света
которую вы видите уж конечно
вашиими собственными глазами

«первое основонастроение...»

первое основонастроение —
такое отчаяние, что в голове светлеет; второе —
оно же, но просветлённей и проще, как после ЛСД,
(тогда я увидела красоту, цветы,
тогда я называла зверей)

это музыка за краем света совсем не печальная,
но разбивается сердце; в этом отчаянии тоже нет
ничего печального, оно не отчаяние, а абсолютный свет

пьёшь вино алетейи, среди забвения не забуду
как были мы живы,
и вода твоя, как трава, и трава, как вода

истина за порогом

памяти.

у одного человека

был корсаковский синдром из-за алкоголизма,

и он забыл всё, кроме своей юности (до 45-го года)

когда он действительно жил —

юность его была Истиной, и, когда он отпил из Леты,

осталась неповреждённой; всё остальное,

кроме истинной жизни, будет стёрто и должно

быть стёрто.

стихия и форма:

тяга природы,

пьёшь вино алетейи, вино Вакха,

в мире прекраснее мира можешь ли

чем ли

страдание оправдать?

можешь ли стать

плотью, являющей логос,

преодолеть инерцию тела,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Это стихотворение имеет следующую предысторию. Есть песня японского музыканта Kazuki Tomokawa «Fat in the morning light». Эта песня на японском, и я не знаю, о чём там поётся, но, исходя из названия, я позволила себе предположить, каким бы мог быть текст подобной песни, и написала это стихотворение.

Купить: https://telnovel.com/gorbunova_alla/vnutri-zvezdopada

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)